

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1953 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. И. АВДИЕВ (отв. редактор), *Д. И. ТИХОНОВ*, *В. И. БЕЛЯЕВ*

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

МОНГОЛЬСКАЯ ФЕОДАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
XIII—XVII вв.

Интерес к истории монголов побуждает нас обращаться к обширным и разнообразным материалам, среди которых особого внимания заслуживают источники, составленные самими монголами и, прежде всего, монгольские летописи.

Некоторые сведения о возникновении монгольской феодальной историографии имеются у Рашид-ад-дина — крупнейшего персидского историка начала XIV в., автора „Сборника летописей“. Этот памятник представляет собой „огромную историческую энциклопедию“,¹ в которой „Рашид-ад-дину удалось дать замечательную по своим подробностям картину кочевого быта монгольских племен...“.²

Говоря о племенах, ведущих свое происхождение от легендарной прародительницы Алан Гоа, персидский историк отмечает, что „у всех [этих племен] четкое и ясное родословное древо [шаджарэ], ибо обычай монголов таков, что они хранят родословие [своих] предков и учат и наставляют в [знании] родословия [насаб] каждого появившегося на свет ребенка... и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени [қабилэ] и происхождения“.³

На основе этого древнего обычая в кругах того высшего сословия, на наличие которого у монголов в XIII в. указал

---

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 47.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 6.

³ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 13. (В дальнейшем цитируется: Рашид-ад-дин).

уже К. Маркс,¹ появился интерес к своему прошлому, и притом более всего — к возникновению и развитию различных родов и племен, а также и к происхождению и судьбам тех ханов, которые стояли во главе их. Вопросу о своем происхождении монгольские ханы с давних пор придавали очень большое значение, причем старались показать, что они происходят от наиболее авторитетных предков, для того, чтобы идеологически обосновать свою власть. Как, например, было отмечено В. В. Бартольд, „по монгольскому преданию, отец Темучина, Есугай-бахадур, был племянником Хутулкаана; очень возможно, что это родство было придумано Темучином только теперь с целью большего обоснования своих прав“.²

Сведения о происхождении и составе целого ряда монгольских родов и племен, родословные их ханов и повествования о них составляют содержание 1-й книги I тома труда Рашид-ад-дина.³ Для написания этой книги „Сборника летописей“ персидский историк использовал наряду с другими источниками (например архивами Хулагидов)⁴ также и монгольские сочинения, которые до нас не дошли. На основании монгольских источников автор сообщает сведения (иногда очень подробные) о происхождении племен татар, меркит, тайджиут⁵ и т. п.

В качестве источника для второго раздела 2-й книги I тома „Сборника летописей“ Рашид-ад-дин использовал то, что „приводится в монгольских списках и летописях по годам“⁶ и содержится в истории, которая „была записана на монгольском языке и монгольским письмом, но не была собрана и приведена в порядок...“.⁷

В другом месте своего труда персидский историк называет эту летопись „Золотой свиток“ („Алтан дафтар“⁸ — монгольское „Алтан дэбтэр“). Она хранилась в ханской сокровищнице.⁹ На этом основании Н. И. Березин считал ее „государствен-

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, ч. V. М., 1938, стр. 220.

² В. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. Записки Восточного отделения Русского археологического общества (ВОРАО), ч. X, СПб., 1897, стр. 110.

³ Рашид-ад-дин, т. I, кн. I.

⁴ Там же, стр. 48.

⁵ Там же, стр. 101—114, 114—117, 180—183.

⁶ Там же, т. I, кн. 2, стр. 73; ср.: там же, стр. 246; ср. еще: т. I, кн. 1, стр. 180.

⁷ Там же, т. I, кн. 1, стр. 67.

⁸ Там же, 180; ср.: т. I, кн. 2, стр. 16.

⁹ Там же, стр. 67, 180; ср.: т. I, кн. 2, стр. 16.

ной летописью“, а все остальные „частными хрониками и генеалогиями“.¹ Такие хроники и родословные, по всей вероятности, имелись в отдельных аристократических родах. Первоначально они существовали в виде устной традиции, а затем записывались и тем самым в дальнейшем стали письменными источниками.

Рашид-ад-дин использовал не только письменные, но также и устные источники. По сообщению персидского историка, Газан-хан указал ему на то, что „есть люди, помнящие происшествя, которые не описаны. Потому ко мне представили до шести человек из монголов, знающих древний монгольский язык“, во главе с Булад Чинсанг Бегадиром [Болод-чинсангом], которого Газан-хан считал лучшим знатоком „первоначальных событий в монгольском племени“.² Автор „Сборника летописей“ упоминает также о сведениях, полученных им „из сказаний умудренных опытом старцев“.³

„Сборник летописей“, как сообщает Рашид-ад-дин, был написан им по поручению Газан-хана, который выразил желание „чтобы все эти записи собрали и привели в порядок“.⁴ Во всем этом на рубеже XIII—XIV вв. выразился интерес аристократии монгольского феодального общества к своему прошлому, в особенности к происхождению отдельных родов и племен и их глав.

В „Сборнике летописей“ получили выражение и стремления этой аристократии. Например, происхождение рода Чингис-хана представлено как необычайное и чудесное⁵ для того, чтобы прославить и увековечить авторитет не только Чингис-хана, но и „наилучшего представителя его знаменитого уруга, государя убежища мира“,⁶ как персидский историк называет Газан-хана.

Вместе с тем, „Сборник летописей“ содержит богатый материал о социальных отношениях в монгольском обществе XII—XIII вв. и, что особенно важно, о положении и быте простого народа — рядовых кочевников-монголов. Эти сведения и составляют главную ценность труда персидского историка.

¹ Записки ВОРАО, ч. V, стр. 8.

² Библиотека восточных историков, издаваемая Н. Березиным..., т. III, ч. I. История Абуль-Гази. Казань, 1854, стр. 34. (В дальнейшем цитируется: Абуль-Гази). Ср.: Рашид-ад-дин, т. I, кн. 1, стр. 67.

³ Там же, т. I, кн. 2, стр. 8.

⁴ Там же, кн. 1, стр. 67.

⁵ Там же, кн. 2, стр. 12—13.

⁶ Там же, стр. 13.

Все сказанное выше об использовании Рашид-ад-дином различных монгольских источников свидетельствует о том, что в среде правящего класса монголов того времени существовала обширная устная традиция и возникшие на ее основе письменные источники.

Наиболее ранним дошедшим до нас историческим памятником, написанным на монгольском языке, является „Сокровенное сказание“. Из содержания этого произведения видно, что оно было составлено главным образом на основе передававшихся из поколения в поколение родословных, родовых преданий и связанных с ними эпических сказаний, которые получили в этом памятнике яркое отражение в виде ряда эпических пассажей в стихотворной форме. Возможно, что при этом и были использованы также и родословные записи, записи родовых событий и т. п., которые могли вестись в отдельных аристократических родах, ввиду того, что письменность, введенная при Чингис-хане для нужд государственного управления (о чем сообщается в „Сокровенном сказании“),¹ распространялась и в среде монгольской аристократии того времени. Так, например, А. М. Позднеев приводит следующее сообщение из „Юань-ши-лэй-бянь“: „... Чингис-хан поручил Тататунге двух своих сыновей обучить уйгурскому письму...“² Также и В. В. Бартольд, ссылаясь на Абель-Ремюза, отмечает, что „он [Чингис-хан]... велел ему [Тататунге] обучать уйгурской письменности знатных монгольских юношей, между прочим сыновей самого Чингис-хана...“³ Об этом же сообщает и Джувейни.⁴

В начале „Сокровенного сказания“ даны родословные нескольких аристократических родов, в том числе и рода Чингис-хана, которому уделено главное внимание. Затем следует подробная история Чингис-хана и его сподвижников — представителей этих родов. Несколько менее подробно изложена история Угэдея (в конце памятника).

¹ По сообщению этого памятника, Чингис-хан „повелел: «Пусть записывают в Синюю роспись „Коко Дефтер Бирик“... росписи по развертыванию на части всеязычных подданных „тур-ирген“, а равным образом и судебные решения»...“ И далее: „... да не подлежит никакому изменению то, что... заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом на белой бумаге“ (С. А. Козин. Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941, § 203, стр. 160).

² А. Н. Позднеев. Лекции по истории монгольской литературы... читанные в 1895/96 акад. году. СПб., 1896, стр. 16.

³ В. В. Бартольд. Образование империи Чингис-хана, стр. 114—115.

⁴ Там же, стр. 115. Ср. „Алтан тобчи“ [сочинение уратского Мэргэн-гэгэна]. — А. М. Позднеев. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900, стр. 145.

Содержание „Сокровенного сказания“ и его основная идея — восхваление Чингис-хана и его сподвижников — показывают, что оно было составлено среди высшего слоя раннего монгольского феодального общества. Интересы и стремления этого слоя получили выражение в „Сокровенном сказании“.

Уже И. Н. Березин обратил внимание на обилие исторических сведений, имеющих в этом памятнике, и назвал его „монголо-китайской летописью“.¹ В. В. Бартольд считал такое определение неудачным, полагая, что „Сокровенное сказание“ „отличается от всякой летописи уже тем, что повествование не ведется по годам; хронология событий крайне неопределенна и запутана“.²

Первое из этих суждений справедливо опроверг Б. Я. Владимирцов, указавший, что „вопреки утверждению В. В. Бартольда, в «Юань чао би ши» повествование ведется по годам, начиная с 1201 г., что и было отмечено Палладием Кафаровым...“³ Относительно же второго следует заметить, что недостатки хронологии „Сокровенного сказания“, отмеченные В. В. Бартольдом, свойственны также монгольским летописям XVII в. и даже наиболее последовательно изложенному историческому труду Саган Сэцэна.

Таким образом, приведенные выше суждения В. В. Бартольда не дают никаких оснований относить „Сокровенное сказание“ к произведениям богатырского эпоса⁴ или же считать его поэмой.⁵

Совершенно ошибочным является также суждение о том, что „Сокровенное сказание“, при всем синкретизме его содержания, все же можно назвать эпическим произведением (со многими, конечно, оговорками) и именно эпической поэмой о Чингис-хане“.⁶

Нельзя согласиться и с мнением Б. Я. Владимирцова, который определил этот памятник как „историю-хронику,

¹ Труды ВОРАО, ч. XIII, стр. 1.

² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I. СПб., 1900, стр. 43.

³ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 7.

⁴ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 43; он же. Образование империи Чингис-хана, стр. 107, 110, 112, 113.

⁵ Там же, стр. 44. Исходя из такого определения „Сокровенного сказания“, В. В. Бартольд называет автора этого произведения „монгольским певцом“ (там же, стр. 53).

⁶ С. А. Козин, ук. соч., стр. 51.

переданную эпическим стилем¹. Хотя в „Сокровенном сказании“ имеется значительное количество эпических мотивов, выраженных в стихотворной форме, следует, однако, указать на то, что многочисленные эпические элементы содержатся в большинстве монгольских исторических сочинений даже значительно более позднего времени, например в летописях XVII в. В них имеются пространные эпические части, как, например, „плачи“ Тогон Тэмура при изгнании его из Пекина,² Килугэнбагатура на погребальном шествии Чингис-хана³ и ряд других, а также много эпических образов, сравнений и т. п. Не подлежит, однако, сомнению, что летописи XVII в. являются именно историческими сочинениями. Хотя в „Сокровенном сказании“ имеется большее количество эпических мест, чем в летописях XVII в., но это обстоятельство следует объяснить тем, что „Сокровенное сказание“ является памятником более раннего этапа развития монгольской феодальной историографии.

Как видно из всего сказанного выше, „Сокровенное сказание“ содержит очень ценные и разнообразные сведения „доставляя обильнейший материал для суждений о разных сторонах монгольской жизни XII—XIII вв.“⁴ Для истории развития общественного строя монголов этого времени „Сокровенное сказание“ является одним из „важнейших источников“, по определению Б. Я. Владимирцова, который в большей мере использовал его в своем труде „Общественный строй монголов“.

„Сокровенное сказание“ представляет очень большую ценность еще и потому, что оно является единственным дошедшим до нас памятником монгольской феодальной историографии XIII в. Вместе с тем „Сокровенное сказание“ один из основных источников монгольских летописей XVII в.⁵

Несомненно, что в XIII в. существовали, кроме „Сокровенного сказания“, и другие исторические сочинения, записи

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 8.

² I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St.-Petersburg, 1829, стр. 136. (В дальнейшем цитируется: Саган Сэцзэн).

³ Там же, стр. 106, 108.

⁴ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 7—8.

⁵ Полный перевод его был дан акад. С. А. Козиним: Сокровенное сказание, т. I. М.—Л., 1941. — Весьма ценным источником для истории монголов XII—XIII вв. является также сокращенная китайская версия этого памятника — „Юань чао би ши“. Перевод ее см: П. Кафаров. Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1844, стр. 1—258.

рассказов, сборники бесед и изречений и т. п. Все эти материалы, представляющие большой интерес, в подлинниках не сохранились.

Имеется указание, что неизвестный автор сочинения, озаглавленного „Книга, прославляющая генеалогии в родословном древе монгольских султанов“ (1426 г.), в числе других источников ссылается на „монгольских историков и историков ханского рода (урук)“¹.

О происхождении рода монгольских племен и ханов подробно говорится и в сочинении Абуль-Гази „Книга родословия тюркского“, где дан „Перечень тюркских и монгольских поколений“ и отдельно рассмотрены „Монгольские поколения“ после чего следует родословная Чингис-хана и его история.²

Однако в труде этого автора нет ни прямых, ни косвенных указаний на использование им монгольских источников. Поэтому у нас нет никаких оснований считать, что этот автор располагал монгольскими летописями и они находились в числе семнадцати исторических сочинений о Чингис-хане, из которых Абуль-Гази делал выписки.³

За время с XIV по XVII в. сведений о памятниках монгольской историографии не имеется. Падение юаньской династии было одним из последних этапов распада империи Чингис-хана, созданной путем захватнических войн и жестокого порабощения покоренных народов. Затем наступил длительный период феодальных междоусобных войн и борьбы за гегемонию между феодалами восточных и западных монголов.

Вопрос об уровне монгольской культуры в этот период, очень неблагоприятный для ее развития, уже привлекал внимание исследователей. Для решения этого вопроса А. М. Позднеев ссылался на биографию проповедника буддизма в Монголии XVI в. — Найджи-тойна,⁴ где указывается, что „литературное образование князей и даже лиц, почитавшихся учителями народа, не простиралось на севере Монголии далее простого знания букв“.⁵ Относительно этого сообщения А. М. Позднеев заметил, что „очень может быть, конечно,

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 56, ср. стр. 45.

² Абуль-Гази, стр. 33—48, 49—64, 65—128.

³ Там же, стр. 34; ср. там же, стр. 1, где Абуль-Гази говорит об „осемнадцати сочинениях“.

⁴ В литературе общепринятыми являются неправильные написания „Нэйджи-тойн“, „Нэйчжи-тойн“ и т. п.

⁵ А. М. Позднеев. Новооткрытый памятник монгольской письменности времен династии Мин. Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 371.

что такой отзыв об умственном состоянии Халхи до некоторой степени и преувеличен биографией...¹ Тем не менее А. М. Позднеев полагает, что „мы должны признать вышеприведенное заявление стоящим весьма недалеко от истины“.² Для подтверждения своего мнения этот же автор, ссылаясь на другой монгольский источник, указывает, что когда в конце XVI в. возникла необходимость „издать в переводе на монгольский язык несколько основных ламайских сочинений“, то „для исполнения этого предприятия в Халхе не нашлось ни одного достойного деятеля“.³ Указание на причину такого состояния образованности у монголов А. М. Позднеев находит в той же биографии Найджи-тойна: „... когда он [Найджитойн] явился в Халху, последняя представилась ему в религиозном отношении решительно поглощенную шаманством“.⁴ По замечанию А. М. Позднеева, шаманство, „как известно, нигде и никогда не имело и не создавало никакой литературы“. „Читать халхасам поэтому было нечего...“.⁵ Исходя из своего толкования данных монгольских источников и замечаний о них, А. М. Позднеев приходит к весьма крайним выводам о том, что „навыка писать и облекать свою мысль в литературные формы здешние (халхаские) интеллигенты не имели никакого...“⁶ и далее, что „Халха... представляется как бы уснувшей для умственной жизни“.⁷ Что же касается южных монголов (чахаров и др.), то, по замечанию того же автора, „подобно халхасам они не сберегли в своих книгохранилищах ничего из совершенного в литературном отношении Юанями и это в свою очередь ясно говорит о таком же падении интересов к литературе на юге Монголии, которое мы можем с достаточным основанием предполагать на севере“.⁸ А. М. Позднееву уже возражал Б. Я. Владимирцов, который отметил, что „монголы за темный период их истории... сумели сохранить многое из своего культурного достояния...“ и что „литература и письменность у них не прерывалась, как не прерывалась и литературная традиция Юаньской династии“.⁹

¹ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 371—372.

² Там же, стр. 372.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 371.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 373.

⁹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15. Там же (прим. 3) приведена литература, относящаяся к этому вопросу и отмечено: „Китай-

К этому можно добавить, что данные монгольских источников, приведенных А. М. Позднеевым, следует отнести только к уровню знаний монголов в области буддийской религиозной литературы. Следовательно, из этих сведений никак нельзя делать столь категорического и обобщающего вывода, какой делает А. М. Позднеев. Нельзя также согласиться с мнением этого автора относительно того, что шаманство явилось причиной отсутствия у монголов какой-либо литературы. Это утверждение справедливо только в отношении шаманства — оно не оставило никаких литературных памятников. Что же касается исторической литературы, то и в добуддийский период в высших слоях монгольского общества XIII—XV вв. были составлены те письменные источники, о которых было сказано выше.

Принять мнение А. М. Позднеева нельзя и потому, что, согласившись с ним, пришлось бы признать отсутствие каких-либо материалов и сведений по истории монголов за предшествующий период и, следовательно, оказалось бы невозможным объяснить появление более поздних исторических сочинений, т. е. летописей XVII в. Напротив, надо полагать, что в течение всего этого периода в среде монгольской феодальной аристократии делались родословные записи, записывались рассказы об отдельных событиях и лицах и, по всей вероятности, даже появлялись летописи. Эти письменные источники составлялись на основе главным образом устной традиции — передававшихся из поколения в поколение родословных отдельных представителей аристократических родов, родовых преданий о них и о некоторых событиях в их родах, а также связанных с ними эпических сказаний. Записывались, по всей вероятности, также рассказы о событиях и лицах современных рассказчикам и т. п. Всеми этими материалами в дальнейшем пользовались авторы исторических трудов XVII в.

Летописи XVII в. появились как одно из следствий попытки политического объединения восточных монголов, которые предпринимались более значительными ханами, например чахарским Лэгдэн-ханом. Появлению таких сочинений способствовала также борьба за гегемонию между феодалами восточных и западных монголов, что отразилось в летописях XVII в.

ские источники сохранили указания на то, что монголы в XV и XVI вв. присылали грамоты Минскому двору, написанные на монгольском языке, по-монгольски писали послания и минцы, обращаясь к монгольским предводителям“.

Во всех этих событиях принимал непосредственное участие высший класс монгольского общества.

В связи с этим возникла необходимость в систематизации исторических материалов, о которых говорилось выше. Она объяснялась интересом монгольских феодалов к вопросам происхождения ханских родов, что, в конечном счете, привело к составлению летописей XVII в.

Указывая на значительное развитие монгольской феодальной историографии, а также на появление переводов на монгольский язык (главным образом с тибетского) большого числа буддийских канонических и других сочинений, отдельные исследователи пришли к тому выводу, что это время являлось „эпохой возрождения“.¹ Вместе с тем эта эпоха называлась по имени ее главного деятеля „веком Лэгдэн-хана“ и иногда в литературе указывалось, что она, так же как и эпоха Чингиса и его преемников, была периодом политического и духовного подъема монголов.

Не говоря уже о неправильности применения термина „эпоха возрождения“ для характеристики уровня культурного развития монгольского общества XVII в., приведенные выше суждения являются совершенно неприемлемыми. Они исходят из вкоре порочного представления об эпохе Чингис-хана как о периоде наивысшего расцвета материальной и духовной культуры монгольского народа и идеализации империи Чингис-хана, образованной в результате грабительских походов и беспощадного угнетения завоеванных народов. Однако ни захватнические войны Чингис-хана, ни владычество юаньских императоров в Китае не способствовали развитию производительных сил Монголии и расцвету ее культуры.²

Необходимо также решительно возразить против возвеличивания Лэгдэ-хана как объединителя монгольского народа.

Феодальная раздробленность монголов, обусловленная рядом факторов их внутренней и международной истории, являлась одной из основных причин, препятствовавших социально-экономическому и культурному развитию монгольского общества в течение ряда веков. Однако попытки Лэгдэн-хана объединить раздробленные феодальные владения предпринимались им вовсе не в интересах монгольского народа. Та ожесточенная борьба, которую Лэгдэн-хан вел с феодалами

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15.

² Ср.: Замечание В. В. Бартольда об образовании империи Чингис-хана: „Самому монгольскому народу эти завоевания совершенно не были нужны, и он не извлек из них никаких выгод“ (История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 17).

Южной Монголии, преследовала единственную цель: подчинить их своей власти и создать государство наподобие Чингисова. Свои подлинные стремления он выразил тем, что принял титул „Чингис-хана“.¹

Та политическая обстановка в Монголии, о которой было сказано выше, вызвала появление исторических сочинений XVII в. Однако длительные феодальные междоусобные войны создавали очень неблагоприятные условия для хранения памятников феодальной историографии. Так же неблагоприятны были и другие условия — кочевой образ жизни, отсутствие или очень незначительное развитие оседлой культуры и т. п. Некоторые ценные рукописи и даже целые собрания их были уничтожены в семидесятых годах XIX в. По всем этим причинам до нас дошло очень незначительное количество памятников монгольской феодальной историографии XVII в.

Несколько летописей этого времени имеется в Монгольском фонде Института востоковедения Академии Наук СССР, где в настоящее время ведется работа над полным научным описанием всех исторических памятников этого фонда. Некоторые летописи XVII в. неоднократно были использованы различными авторами трудов по монголоведению, однако сведения об этих сочинениях в монголоведной литературе являются все же совершенно недостаточными.

Поэтому представляется необходимым еще более полно раскрыть содержание этих произведений, указать их главнейшие особенности и дать их оценку как памятников монгольской феодальной историографии XVII в.

Одним из наиболее ценных монгольских исторических сочинений XVII в. является летопись „Эрдэнийн тобчи“,² более известная в монголоведной литературе под именем ее автора Санан Сэцэна. В настоящее время, когда выяснена ошибочность такого написания имени автора и установлено более правильное — Саган Сэцэн, следует придерживаться последнего наименования. Сочинение начинается со слов

¹ В. Горский. Начало и первые дела маньчжурского дома. Труды членов российской духовной миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 102—103; Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-гайджи. Известия Академии Наук СССР, 1927, стр. 232.

² Это заглавие установлено по лучшему из всех имеющихся списков — рукописи Комитета наук Монгольской Народной Республики (фотокопия Института востоковедения Академии Наук СССР, Ф. В 90). Оно имеется также в колофоне (тетр. IV, л. 566) одного из списков (F 188) этого сочинения в Секторе восточных рукописей ИВАН. На титульных листах II, III и IV тетрадей этого списка дано заглавие „Монгол хад-ун гуджи“ („История монгольских ханов“).

его автора о том, что он намерен на основании сопоставления прежних летописей изложить в кратком виде историю Индии, Тибета и Монголии. После этого говорится о возникновении и строении вселенной и о появлении первых живых существ, а затем людей на земле; далее — о первом „всемирном монархе“ — Махасамади-хане и об индийских царях, происшедших из его рода; затем излагается биография будды Шакьямуни и история царей — покровителей буддизма в Индии. Непосредственно за этим следует история царей Тибета, причем устанавливается их происхождение от царей Индии. Вместе с тем излагается история буддизма в Тибете.

История монголов начинается с рассказа о приходе к народу „Бэдэ ~ Бада“ (кит. „бай-да“? „белые татары“) тибетского царевича Буртэ Чино, потомка индийского Махасамади-хана. Далее автор говорит о предках Чингис-хана, после чего отводит большое место его истории. Затем даны краткие сведения о четырех сыновьях Чингис-хана и его ближайших преемниках. Более подробно автор останавливается на правлении Хубилая, причем главное внимание здесь уделено вопросу о принятии им буддизма. Далее перечисляются его сыновья и внуки и очень кратко излагается история юаньских императоров — указываются только даты их рождения, вступления на престол и смерти и отмечается, что они управляли государством, в равной мере руководствуясь светскими и духовными законами, а также всемерно покровительствовали буддизму.

Такого же рода сведения сообщаются о Тогон Тэмуре, после чего следует очень подробный рассказ о заговоре Джугэ-нойона, предшествовавшем падению юаньской династии. В описании этого события содержится „плач“ Тогон Тэмуре при бегстве его из Пекина. Этот эпизод дан в стихотворной форме и отличается ярко выраженным эпическим характером.

После краткого упоминания о ближайших преемниках Тогон-Тэмуре со многими подробностями рассказывается о взаимоотношениях и войнах между феодалами восточных монголов. Вместе с тем большое внимание уделяется описанию борьбы за гегемонию между ханами восточных и западных монголов. Отмечается, что междоусобия прекратились при Даян-хане, о котором говорится очень подробно. Затем со многими подробностями излагается история сыновей Даян-хана и их потомков. Большое место отведено истории проникновения буддизма к восточным монголам и повествованиям о содействии ему со стороны тумэтского Алтан-хана, а также

чахарских, харачинских, халхаских и других ханов. Вместе с тем излагается история монгольских ханов. После этого следует история возвышения маньчжурских ханов, в связи с чем производится краткое перечисление императоров Минской династии (сообщаются только даты рождения, вступления на престол и смерти). Летопись доведена до середины XVII в. Один из ее списков (Монгольский фонд, F 188) заканчивается повествованиями о покорении императором Эйэбэр Дзасагчи [кит. Шунь Чжи] Китая, Монголии, Тибета и других стран, а также рассказом о прибытии в Пекин пятого далай-ламы [Агван] Лобсан Джамцо в [1652] г. В конце другого списка (F 254) говорится о вступлении на престол имп. Энгэ Амугулан [кит. Кан Си] в [1662] г. и о смерти в том же году первого банчэнь-эрдэни [Лобсан Чойджи Джалцана]. Другие списки представляют меньший интерес.¹ Первый из указанных выше списков был издан И. Я. Шмидтом.² Для своего времени это издание являлось значительным научным достижением нашего отечественного монголоведения, но современным требованиям, предъявляемым к такого рода изданиям, оно не отвечает. Вполне справедливо и замечание Б. Я. Владимирцова о том, что „перевод «старого Исаака Якоба» теперь безнадежно устарел“.³

Ввиду большой научной ценности, которую представляет труд Саган Сэцэна совершенно необходимым является его новое издание — сводный текст по нескольким спискам и точный перевод с примечаниями и комментариями. Такое научное издание может дать много новых данных по истории монголов, в особенности их истории XV—XVI вв. Сводный текст этого памятника составлен Г. Н. Румянцевым и хранится в Секторе восточных рукописей Института востоковедения АН СССР.

Главная ценность труда Саган-Сэцэна заключается в сведениях, относящихся к XV—XVI вв. — о монгольских ханах, их происхождении, взаимоотношениях с другими ханами и феодалами, феодальных войнах и т. п. Данные обо всем этом представлены в „Эрдэнийн тобчи“ наиболее полно и последовательно, ввиду того, что Саган Сэцэн „как принадлежавший к роду чингисидов, сам владетельный князь, мог слышать о многом от старших родовичей — хранителей старинных пре-

¹ Монгольский фонд Сектора восточных рукописей Института востоковедения Академии Наук СССР, рукописи I 42, F 212. (В дальнейшем сокращенно: Монгольский фонд).

² См. стр. 136, сн. 2.

³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 17.

даний „золотого рода“¹ (рода Чингис-хана), а также от представителей других феодальных родов. По этой же причине он имел большие возможности в отношении использования родословных, родовых записей и других письменных источников. Всеми этими причинами объясняется то, что „именно XV и XVI вв. посвящены лучшие страницы *Saṅg Secen'a*...“²

Данные же предшествующих отделов „Эрдэнийн тобчи“ (так же как и других летописей XVII в.) не имеют большой ценности.

Много сведений по истории развития общественного строя монголов обнаружил в труде Саган Сэцэна Б. Я. Владимирцов, который в большой степени использовал этот памятник в своей работе „Общественный строй монголов“. По всем этим причинам Б. Я. Владимирцов отводит среди монгольских исторических сочинений XVII в. первое место труду Саган Сэцэна, „не прибегая к [его] излишнему прославлению“.³ Необходимо еще указать, что этому памятнику как одному из наиболее богатых по содержанию и типичных произведений монгольской исторической литературы XVII в. в особенно сильной степени свойственны отличительные черты летописей этого века, о которых будет сказано ниже.

Другая летопись XVII в. — „Алтан тобчи“ является анонимной и в научном обиходе известна по имени ее издателя — Г. Гомбоева.⁴ Сочинение начинается с краткой истории царей Индии и Тибета. Затем следует история монгольских императоров, от Чингис-хана до падения Юаньской династии. После краткого перечисления императоров династии Мин излагается история монгольских ханов до вступления на престол чахарского Лэгдэн-хана. В этой истории большое внимание уделено описанию борьбы за гегемонию между восточно-монгольскими и ойратскими ханами, причем в нескольких местах подведены краткие итоги отдельных этапов этой борьбы.

По своему содержанию „Алтан тобчи“ имеет много общего с „Эрдэнийн тобчи“,⁵ но отличается от последней краткостью

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 16.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Алтан тобчи, монгольская летопись... Перевод Г. Гомбоева. (Предисловие П. С. Савельева). Труды ВОРАО, ч. VI, СПб., 1858. (В дальнейшем цитируется: Алтан тобчи).

⁵ Это было отмечено еще П. С. Савельевым (Алтан тобчи, стр. VI). Более того, он считал, что „Алтан тобчи“ тождественно с „Эрдэнийн тобчи“. В основе такого утверждения лежат издание текста и перевод И. Я. Шмидта (ук. соч., стр. 288—289), согласно которым „Эрдэнийн

изложения. Некоторые сведения, имеющиеся в труде Саган Сэцэна, в „Алтан тобчи“ совсем отсутствуют (например повествование о возникновении вселенной, истории проникновения буддизма к монголам при тумэтском Алтан-хане), другие же изложены более кратко (например история юаньских императоров).

Однако в „Алтан тобчи“ содержатся данные, которых нет в „Эрдэнийн тобчи“, например рассказ о том, что имп. Хун У, изгнавший из Пекина Тогон Тэмур, взял в плен его беременную жену, которая родила сына — впоследствии имп. Юн Лэ. Эта легенда имела целью доказать, что императоры династии Мин ведут свое происхождение от монгольских императоров и являются их преемниками. Вследствие того, что сочинение заканчивается сообщением о вступлении на престол чахарского Лэгдэн-хана в год дракона (1604 г.), общепринятым являлось мнение, что „Алтан тобчи“ была написана около этого времени. Однако новейшие исследователи установили, что перечисление императоров минской династии доведено до имп. Тянь Ци (1621—1627 гг.), что является ценным указанием на время написания данного сочинения. По этому поводу Б. Я. Владимирцов справедливо заметил: „Вот образчик того, как до сих пор плохо изучены и обследованы памятники монгольской исторической литера-

тобчи“ является первым из источников сочинения Саган Сэцэна. Исходя из этих данных, П. С. Савельев утверждает относительно „Алтан тобчи“, что „хотя эта рукопись и не представляет заглавия „Эрдэнийн тобчи“, а озаглавлена „Алтан тобчи“... но эта небольшая разность в наименовании не может возбудить сомнения относительно тождества этой летописи с упоминаемой Санан Сэцэном“. Кроме того, П. С. Савельев приводит еще следующие доводы в пользу такого тождества: 1) „Заглавия обеих [рукописей] однозначны [?], и в числе семи хроник, указанных монгольским историком, только одна эта имеет заглавие Тобчи «Сокращение»“; 2) „что многие места и выражения в „Алтан тобчи“ повторяются буквально в Санан Сэцэне, который, следовательно, пользовался именно этим «(Алтан) Тобчи» и о нем упомянул в своем послесловии“ (Алтан тобчи, стр. V—VI). См. монгольский текст колофона (там же, стр. 23—24). Как было показано выше (стр. 141), „Эрдэнийн тобчи“ представляет собою заглавие самого сочинения Саган Сэцэна, но отнюдь не заглавие одного из его источников; далее, совершенно необоснованным и произвольным является признание „однозначности“ заглавий двух различных сочинений — „Эрдэнийн тобчи“ и „Алтан тобчи“; что же касается дословного повторения многих мест и выражений в этих двух летописях, то это явление следует объяснить тем, что как одна, так и другая летописи заимствовали их из одного источника — „Сокровенного сказания“. На основании всего сказанного можно видеть ошибочность утверждений П. С. Савельева относительно тождественности двух названных летописей.

туры и как легко без проверки повторяются старые неправильные утверждения¹.

Один из списков этой летописи был издан Г. Гомбоевым. Эта, ценная для того времени, работа теперь не удовлетворяет требованиям научного издания текста и точного филологического перевода. Например, приведенная выше ошибка в определении даты написания „Алтан тобчи“ и является следствием некритического отношения к тексту и неправильного перевода Г. Гомбоева.²

Б. Я. Владимирцов отметил, что в издании Г. Гомбоева „текст «Алтан тобчи» оказывается совершенно искаженным... перевод же Галсана Гомбоева никогда не был точным“.³

Два других списка „Алтан тобчи“ являются только копиями.⁴ Имеются еще две рукописи, которые представляют выписки из начала этого сочинения.⁵

При всей краткости изложения „Алтан тобчи“ и значительной общности по содержанию с „Эрдэнийн тобчи“, в ней все же встречаются данные, которых не имеется в труде Саган Сэцэна, а также целый ряд небольших, но весьма ценных сведений о феодальных отношениях, феодальных войнах и т. п. так называемой „эпохи малых ханов“. Необходимо еще отметить, что хронологические данные в „Алтан Тобчи“ являются значительно более точными, чем у Саган Сэцэна. По всем этим причинам „Алтан тобчи“ несомненно представляет определенную научную ценность. Как уже было отмечено Б. Я. Владимирцовым, этому памятнику, наряду с Саган Сэцэном, принадлежит первое место среди монгольских исторических сочинений XVII в.⁶

Еще одно историческое сочинение того же времени — „Шара-туджи“ начинается со сведений об образовании вселенной, после чего изложена история индийских и тибетских царей в виде краткого их перечисления. Далее следует история монгольских ханов, изложенная очень кратко.

¹ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 17.

² В рукописи (Монгольский фонд, G 26, л. 296) имеется очень не совершенное написание (в транскрипции — „Даймин чу динджи хаган сагуба“), которое без каких-либо исправлений или примечаний воспроизведено в издании Г. Гомбоева (Алтан тобчи, стр. 54) и переведено: „... а потом царствовали Тэймэн-Чу и Дэнзи“ (там же, стр. 156). Это место должно быть переведено следующим образом: „На престол вступил Тянь-Ци [1621—1627] [фамилии] Джу великой Минской [династии]“.

³ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15.

⁴ Монгольский фонд, F 12, F 25.

⁵ Там же, F 24, F 125.

⁶ Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 15.

Изложение делается значительно более подробным, когда автор говорит о сыновьях Даян-хана, причем главное внимание автора обращено на историю ханов Халхи, в отличие от Саган Сэцэна, который более всего повествует о южно-монгольских ханах. Поэтому в „Шара туджи“ очень подробно говорится о сыновьях Гэрэсэндээ (младшего сына Даян-хана), получившего в удел Халху. На этом заканчивается как бы первая — летописная часть сочинения, что в тексте отмечено несколькими знаками препинания.

Далее следуют несколько отделов сочинения, написанных другим почерком: о народах, составляющих уделы Джочи и Чагадай; о племенах, данных в уделы братьям Чингис-хана; о племенах, входящих в состав каждого из шести монгольских тумэнов и четырех ойратских, и т. п. Большой отдел посвящен Гэрэсэндээ, его сыновьям и их потомкам. В последнем отделе сочинения указываются племена, образующие четыре ойратских тумэна, объясняется происхождение некоторых из них и приводится родословная их князей.

Многие данные первой части „Шара туджи“ имеются в труде Саган Сэцэна, который в одних случаях изложил их более подробно или же уточнил их, а в других — сокращенно. Иногда эти данные воспроизведены в „Эрдэнийн тобчи“ почти без изменений. Поэтому несомненно, что Саган Сэцэн в больших размерах использовал сочинение „Шара туджи“. Оно указано в числе источников его труда. Ряд мест в „Шара туджи“ является сокращенными пересказами из „Сокровенного сказания“ и выдержками из анонимной „Алтан тобчи“. Однако ссылок на эти сочинения в тексте рукописи не имеется. Отделы, составляющие вторую часть сочинения, несомненно являются позднейшими добавлениями: они написаны другим почерком и содержат сведения, относящиеся к более позднему времени. Например, в перечислении имен ойратских ханов из рода Чорос упоминается Галдан Бошокту (1671—1697) и Цэвэн Рабдан (1697—1727). В числе сыновей тушэту-хана Гомбо указан Джэбдзун Дамба-хутухта (1635—1723).

В основном же (в своей летописной части) „Шара туджи“ является памятником монгольской феодальной историографии XVII в. и притом несколько более ранним, чем труд Саган Сэцэна, или же современным ему.

В виду краткости сведений, содержащихся в летописной части, в нескольких местах ее между строк вписаны (другим почерком) более подробные рассказы из „Сокровенного сказания“ и анонимной „Алтан тобчи“ (без ссылок на них) и

также из „различных летописей“,¹ из которых названа только „Хухэ дэбтэр“.² Как можно видеть из сказанного выше, летописная часть „Шара туджи“ не содержит существенно новых сведений по сравнению с другими летописями XVII в. Все же некоторые данные, имеющиеся в этом памятнике, могут способствовать выяснению отдельных вопросов, возникающих при изучении труда Саган Сэцэна и анонимной „Алтан тобчи“.

Наиболее ценными в „Шара туджи“ являются сведения о монгольских и ойратских племенах и их ханах, начиная со времен Чингис-хана до конца XVII в., возможно, даже и первой четверти XVIII в., судя по упоминанию имен некоторых лиц.

Весьма подробно и тщательно составленные генеалогические таблицы ряда монгольских и ойратских родов могут быть использованы для исследования некоторых вопросов истории общественного строя монголов.

Текст и перевод „Шара туджи“ до настоящего времени не изданы.

К летописям XVII в. относится также „Алтан тобчи“, сочинение Лубсан Дандзана.³ Эта летопись, как и другие исторические сочинения XVII в., составлена по схеме: история индийских царей—история тибетских царей—история монгольских ханов. Последняя заканчивается повествованием о гибели Лэгдэн-хана и его ханства, а также о переходе харачинов в маньчжурское подданство.

Этот памятник замечателен тем, что он содержит значительную часть „Сокровенного сказания“ в виде переложения на монгольскую письменность той китайской иероглифической транскрипции, в которой „Сокровенное сказание“ дошло до нас. Следует отметить, что это переложение не дословно воспроизводит текст „Сокровенного сказания“, а является его пересказом, очень близким к оригиналу. Однако в некоторых случаях (например л. 11) „Алтан тобчи“ содержит сведения, отсутствующие в „Сокровенном сказании“. Все же в отдельных местах китайская транскрипция монгольских слов осталась непонятной для автора переложения, и он дал такие монгольские написания слов, которые нельзя понять.

¹ „Шара туджи“, Монгольский фонд, В 200, стр. 12—13, 15—16, 16—17, 30—33, 39—41, 41—43, 43—50.

² Там же, стр. 17.

³ Подлинник этой летописи хранится в Комитете наук Монгольской Народной Республики.

Иногда они сопровождаются пояснениями (между строк текста).

В таком виде в „Алтан тобчи“ даны §§ 1—176, 208—264, и 268 „Сокровенного сказания“. Транскрипция этих параграфов по тексту „Алтан тобчи“ дана С. А. Козиным.¹ Однако главная ценность этой „Алтан тобчи“ заключается не столько в монгольском тексте „Юань чао би ши“, сколько в других фрагментах неизвестных нам древних монгольских хроник, которые по всем данным восходят к XIII в. Особо следует отметить, что в этой летописи имеется несколько мест, которые подтверждают сведения Рашид-ад-дина (например лл. 11—12). Описания некоторых событий даны по „Эрдэнийн тобчи“ и анонимной „Алтан тобчи“ (например лл. 37а—37б).

Все сказанное делает „Алтан тобчи“ весьма интересным и ценным источником. Вместе с тем, труду Лубсан Дандзана в полной мере свойственны те особенности произведений монгольской феодальной историографии XVII в., которые будут указаны в дальнейшем.

Переходя к рассмотрению главнейших особенностей этих сочинений, прежде всего следует отметить, что в некоторых летописях имеются краткие указания на то, в чем, по мнению авторов этих трудов, заключались их цели и задачи. Так, например, Саган Сэцэн видел цель своего произведения в том, чтобы читатели „Эрдэнийн тобчи“ нашли в ней „хотя бы немного достойного для своего просвещения“.² Таким образом, по словам самого автора этого сочинения, он ставил себе задачу общего дидактического характера. По мнению автора „Шара туджи“, цель его труда состояла в ознакомлении с прошлым предков. Необходимость изучения прошлого своих предков доказывается несколькими сопоставлениями, заимствованными из сочинения одного из далай-лам (имя которого не приводится). Например сказано, что „человек, не знающий своего происхождения, подобен обезьяне, заблудившейся в лесу“³ и т. п.

Большой интерес представляет вопрос об источниках летописей XVII в. и характере их использования. Источниками этих сочинений, как отчасти уже было отмечено выше, являлись передававшиеся путем устной традиции родословные представители аристократических родов, родовые предания

¹ С. А. Козин, ук. соч., стр. 321—397; ср. соответствующие параграфы в транскрипции „Сокровенного сказания“ (там же, стр. 399—519).

² Саган Сэцэн, стр. 296.

³ „Шара туджи“, стр. 2 (добавочная).

о них и связанных с ними событиях; относящиеся к ним эпические сказания и фольклорные произведения; рассказы, современные этим событиям и лицам, и т. п. Такого рода обширный и разнообразный материал несомненно собирался авторами летописей. В особенно благоприятном положении в этом отношении находился Саган Сэцэн. Определить время, когда данные устной традиции стали записываться, представляет большие трудности. По вопросу о времени составления первых записей монгольской устной исторической традиции можно привести замечание В. В. Бартольда (сделанное им относительно времени появления записей преданий о Чингис-хане): "... трудно решить когда впервые стали записывать эти сказания".¹ Записывались также разного рода сведения и рассказы о событиях и лицах, современных летописцу. Особенно много такого рода данных сообщает Саган Сэцэн, который в нескольких местах своего труда говорит не только о своих современниках, но и о самом себе (в третьем лице).² Авторы летописей пользовались также письменными источниками, относящимися к очень отдаленным временам. Так, например, в „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана содержится целый ряд рассказов, которые, по всем данным, восходят к XIII в., и имеются прямые указания на то, что некоторые беседы, наставления, изречения и т. п. были записаны при жизни их авторов во времена Чингис-хана („Алтан тобчи“, лл. 85б, 102б—110а). Эти записи или же сочинения, в которых они содержались, не сохранились, так же как и сочинения, в которых имеются данные, подтверждающие сведения Рашид-ад-дина.

Однако можно указать на дошедшие до нас памятники XIII в., которые в большой мере были использованы авторами летописей XVII в. Прежде всего — это „Сокровенное сказание“, целый ряд следов которого имеется во всех летописях XVII в. В труде Лубсан Дандзана дано переложение значительной части этого произведения. Другим памятником XIII в., который Саган Сэцэн указывает в числе источников своего труда, является историко-юридическое сочинение „Цаган тухэ“, составленное, повидимому, в основном во времена Хубилая.

Ввиду того, что исторические сочинения XV—XVI вв. не дошли до нас, нет возможности проследить использование их в качестве источников для летописей XVII в. Авторы этих сочинений широко пользовались современными им истори-

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 43.

² Саган Сэцэн, стр. 264, 269, 281, 283, 299.

ческими трудами, чему можно привести ряд примеров: анонимная „Алтан тобчи“ послужила одним из источников „Шара туджи“. Это сочинение в значительной степени было использовано Саган Сэцэном. Трудом последнего и анонимной „Алтан тобчи“ пользовался Лубсан Дандзан.

Однако, используя в такой значительной степени различные источники, авторы летописей XVII в. очень мало говорят об этом. Ни один из них не упоминает об использовании „Сокровенного сказания“, хотя во всех летописях XVII в. имеется много примеров этого. Умалчивает об этом даже Саган Сэцэн, который называет несколько источников своего труда. Из них только некоторые можно отождествить с известными нам сочинениями: „Шара туджи“, „Цаган тухэ“, а также „Чихула хэрэглэгчи“ — буддийское сочинение энциклопедического характера,¹ в котором дано краткое перечисление имен монгольских императоров от Чингис-хана до Тогон Тэмюра. Определить остальные сочинения, указанные Саган Сэцэном, пока не представляется возможным.

Кроме источников, указанных в колофоне, Саган Сэцэн привлек еще несколько сочинений в качестве источников для написания истории индийских и тибетских царей, а также истории буддизма в Индии. Из этих сочинений отождествить можно только „Алтан гэрэл“ (сутра „Золотой блеск“). В анонимной „Алтан тобчи“ об ее источниках ничего не сказано. Автор „Шара туджи“ также ничего не говорит об источниках своего труда. Однако в добавлениях, сделанных между строк, в нескольких местах имеются ссылки на „различные исторические сочинения“. Из них названа только „Хухэ дэбтэр“. В колофоне „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана кратко указывается, что сочинение написано на основании „нескольких летописей“. Даже в тех случаях, когда авторы указывают использованные ими источники, они не дают точных ссылок, не приводят цитат и т. п. В общем источники используются авторами совершенно не критически, а только путем более или менее полного их пересказа, в отдельных случаях даже почти дословного воспроизведения их текста.

¹ Буддийская космология, изложенная Осипом Ковалевским. Казань, 1837, стр. 13; „Алтан тобчи“ в издании Г. Гомбоева. Предисловие П. С. Савельева, стр. X—XIII; Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи, стр. 228; А. С. Пучковский. Некоторые вопросы научного описания монгольских рукописей. Советское востоковедение, II, М.—Л., 1941, стр. 261—264.

В связи с этим следует сказать, что все авторы летописей XVII в. не отличают легенды от исторического факта, но добросовестно приводят в своей книге и то и другое, хотя бы один рассказ опровергал другой.

Еще В. В. Бартольд заметил, что „различие между историей и легендой было... мало понятно монголам...“¹ Однако его мнение о том, что „сведения об истории монголов, заимствованные из монгольских и уйгурских источников, имеют чисто легендарный характер...“, является значительным преувеличением.

Для подтверждения своего мнения В. В. Бартольд ссылается на рассказ о смерти Тулуя, предложившего себя духам в качестве искупительной жертвы за своего брата Угэдэя.² При всей легендарности как этого, так и некоторых других рассказов, в „Сокровенном сказании“ описываются исторические факты, которые подтверждаются китайскими и другими источниками. При рассмотрении содержания летописей XVII в. следует отметить следующие их особенности.

В начале летописей XVII в. помещалась история царей Индии и Тибета. В дальнейшем изложении авторы летописей стремились показать, что преемниками индийских царей якобы являлись тибетские цари, затем юаньские императоры и, наконец, монгольские ханы и владетельные феодалы XVII века.

В большинстве летописей история индийских и тибетских царей представляет только перечисление их имен, монгольские написания которых являются дословными переводами или транслитерацией санскритских и тибетских имен. В истории этих царей, наряду с некоторыми историческими лицами (например: Срон Дзан Гамбо, VII в.; Тисрон Дэбдзан, VIII в.; Ландарма, IX в., и др.), указываются мифические лица, например семь царей с прозвищем „Чанда“, такое же число царей с прозвищем „Бала“ и т. п.

Наиболее подробно история древних царей изложена в „Эрдэнийн тобчи“, где кроме перечисления имен этих царей о некоторых из них сообщается, что они весьма содействовали распространению буддизма, в связи с чем приводятся отдельные данные из истории этой религии в Индии и Тибете, причем эти сведения имеют большею частью легендарный характер.

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 43.

² Там же, стр. 53.

По всем этим причинам история Индии и Тибета, представленная в монгольских летописях XVII в. в виде истории царей этих стран, не имеет значительной ценности. Для изучения истории этих государств необходимо использовать первоисточники — индийские (например „Пураны“ „Манджушри мулатантра“) и тибетские (например „Джал-раб салви ме-лон“).

Необходимо отметить, что излагая эту историю, авторы летописей XVII в. представляли многих индийских и тибетских царей (мифического Махасамади-хана, Срон Дзан Гамбо и др.) как „ханов-чакравартинов“, т. е. „всемирных монархов“, и использовали этот титул для создания авторитета монгольских хаганов и ханов. Так, например, Саган Сэцэн присваивает Хубилаю эпитет „царь-чакравартин“ („вращающий золотое колесо, которое символизировало вселенную)¹ и сообщает о том, что такой же эпитет был пожалован третьим далай-ламой (Соднам Джамцо) тумэтскому Алтан-хану² и четвертым далай-ламой (Йондан Джамцо) — ордосскому Бошокту-джинону.³ Сын последнего Ринчен Сэцэн-джинон сам принял этот титул и стал именоваться „Чакравартин Сэцэн-джинон“.⁴

Вместе с тем летописцы XVII в. присваивали царям Индии и Тибета особое, „божественное“ происхождение. Так, например, в анонимной „Алтан тобчи“ указывается, что древние цари происходили из рода боддисатв.⁵ Согласно Саган Сэцэну, тибетский Тисрон Дэбдзан был „перерожденцем“ боддисатвы Манджушри⁶ и т. п.

Эту „божественность“ авторы летописей XVII в. стремились перенести на Чингис-хана и членов его рода и далее — на юаньских императоров и монгольских ханов, объявляя их „перерожденцами“ боддисатв, буддийских божеств и „божественных“ царей Индии и Тибета.

Саган Сэцэн, например, неоднократно отмечает, что „перерожденцем“ боддисатвы был Годан-хаган (младший сын Угэдэя).⁷ По сообщению того же автора, третий далай-лама в [1578] г. объяснил тумэтскому Алтан-хану (1532—1585), что этот последний является „перерожденцем“ Хубилая (1260—

¹ Саган Сэцэн, стр. 118.

² Там же, стр. 236.

³ Там же, стр. 264.

⁴ Там же, стр. 282.

⁵ Алтан тобчи, стр. 1 (текст) и стр. 117 (перевод).

⁶ Саган Сэцэн, стр. 46.

⁷ Там же, стр. 112—232.

1294), а Хутухтай Сэцэн-хунтайджи и его брат Сэцэн Дайчин — „перерожденцами“ царей государств Магадхи и Кошалы в Индии, живших во времена Шакьямуни.¹ При этом последним двум были пожалованы титулы, которые они якобы некогда носили в Индии.² Таким образом, не только ханы, но и владетельные феодалы представлены как „перерожденцы“ древних царей.

Другой историк XVII в. — Лубсан Дандзан также рассматривал историю монгольских ханов как историю „удивительных и великих царей-перерожденцев“ и указывал на Чингис-хана, Хубилая, Лэгдэн-хана и других как на „перерожденцев“ древних царей Индии и Тибета.³ То же видно из содержания других летописей XVII в.

Говоря об этом, летописцы XVII в. следовали традиции, согласно которой проповедники буддизма среди монголов в XIII—XIV вв., а затем в XVI—XVII вв., возводились к буддийским божествам, духовным лицам времен Шакьямуни и т. п. Многочисленные примеры этого имеются в монгольских сочинениях XVII в. по истории буддизма в Монголии. Также и в „Эрдэнийн тобчи“ имеется очень подробный рассказ о том, что первый банчэнь-эрдэни [Лобсан Чойджи Джалдан, 1570—1663] путем длинного ряда „перерождений“ восходит к одному из учеников Шакьямуни.⁴ Таким же образом авторы летописей XVII в. возводили юаньских императоров и монгольских ханов к индийским и тибетским царям.

Необходимо еще отметить, что до настоящего времени остается неизвестным сочинение, в котором впервые был обоснован „авторитет“ древних царей Индии и Тибета и было положено начало традиции о „преемственности“ их происхождения и власти. Можно, однако, полагать, что такого рода сочинения существовали с самого возникновения монгольской феодальной историографии. Об этом свидетельствует дошедшее до нас сочинение „Цаган тухэ“, которое, повидимому, относится ко временам Хубилая. В другой редакции этого сочинения, принадлежащей Хутухтай Сэцэн-хунтайджи (1540—1586) — прадеду Саган Сэцэна, отмечено, что оно было составлено путем сличения „Цаган тухэ“ времен Хубилая с древними списками, имевшимися у уйгурского Бранашири Уйдзунгуши.⁵

¹ Саган Сэцэн, стр. 230.

² Там же, стр. 236.

³ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, л. 176б.

⁴ Саган Сэцэн, стр. 270, 272, 274.

⁵ Монгольский фонд, G 91.

Как отмечено в тексте этого сочинения, оно является „кратким изложением того, как на равных основаниях и правильно проводить в жизнь оба закона“ — светский и духовный. Таким образом, „Цаган тухэ“ представляет собою трактат о принципах управления государством. В нем указывается, что монгольские хаганы от Чингис-хана до Хубилая применяли в делах управления государством оба „закона“. При этом отмечается, что эти „законы“ были установлены в Индии первым „чакраватином“ Махасамиди-ханом и осуществлялись царями Тибета, начиная со Срон Цзан Гамбо (VII в.). В дальнейшем снова говорится о том, что осуществление этих двух, издавна установленных, „законов“ началось у монголов со времен Чингис-хана. Затем излагается указ Хубилая, в котором всем народам его державы разъясняется преемственность обоих „законов“, установленных в Индии и Тибете. После этого перечисляются гражданские и духовные чины, определяются их обязанности и т. п. Таким образом, согласно этому сочинению, Хубилай осуществлял свою внутреннюю политику — управление государством — на основе союза светской и духовной власти, начало чему было положено древними царями Индии и Тибета.

Положения „Цаган тухэ“ об управлении государством путем объединения светской и духовной власти представляли большой интерес для правящего класса феодальной Монголии. Об этом можно судить по тому, что Саган Сэцэн использовал это сочинение в качестве одного из источников для истории монгольских ханов. Взгляды, высказанные в „Цаган тухэ“, оказали большое влияние на автора „Эрдэнийн тобчи“. В особенности это заметно в отделе, посвященном истории юаньских императоров. При всей краткости ее изложения, об императорах Ульдзэйтэ, Хулук-хане, Гэгэн-хане, Дзаягату-хане и Тогон Тэмуре сообщается, что они „в равной мере осуществляли оба (вида) правления“, „одинаково проводили оба закона“ и т. п.¹ Такие же сведения даны о монгольских ханах, например о чахарском Лэгдэн-хане² и тумэтском Алтан-хане.³ Интерес правящего класса к „Цаган тухэ“ проявился также в том, что была составлена другая редакция этого сочинения. Этот интерес не ослабевал и в значительно более позднее время, о чем свидетельствует одна копия (списка более поздней редакции), которая относится

¹ Саган Сэцэн, стр. 120, 122.

² Там же, стр. 202.

³ Там же, стр. 234.

к третьему году правления Бадарагулту Туру [кит. Гуан Сюй], т. е. к 1877 г.¹ Несомненно, что в „Цаган тухэ“ и в приведенных здесь сообщениях Саган Сэцэна об юаньских императорах и ханах конца XVI в. в очень большой степени отразилось влияние буддизма.

Далее в летописях XVII в. сообщается о том, что монгольские ханы являются потомками тибетских царей. Рассказывается, что сын одного из них Буртэ Чино („Пегий Волк“) пришел к монголам и, взяв в жены Гоа Марал („Прекрасную Лань“)², положил начало роду Чингис-хана, от которого ведут свое происхождение юаньские императоры и монгольские ханы. В перечислении предков Чингис-хана и изложении его истории летописцы XVII в. следуют „Сокровенному сказанию“. Значительная часть его воспроизведена в „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана. В других летописях заимствованы только главнейшие данные и основная идея этого памятника — восхваление Чингис-хана и его рода. Однако в летописях XVII в. содержится целый ряд повествований о Чингис-хане (большую часть легендарного характера), которых в памятнике XIII в. не имеется. Некоторые из них представляют несомненный интерес как образцы литературного творчества. Таковы, например, предсмертная беседа Чингис-хана и „плач“ Килугэн-багатура на похоронах Чингиса. Наиболее значительное число рассказов о Чингис-хане, по всем данным восходящих к XIII в. и потому наиболее достоверных, имеется в „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана. Все же для изучения истории Чингис-хана следует прежде всего обращаться к „Сокровенному сказанию“ и „Сборнику летописей“.

После краткого перечисления ближайших преемников Чингис-хана следует история юаньских императоров. О некоторых из них сообщаются только относящиеся к ним глав-

¹ Монгольский фонд, G 71.

² Эти персонажи имеются в „Сокровенном сказании“, где они выступают несомненно в качестве тотемов. Ср. „Бурый Волк“ и „Сивая Лань“ у П. Кафарова (Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1866, стр. 23); „серый волк“ и „пестрая лань“ в рукописи того же автора (русская транскрипция монгольского текста „Сокровенного сказания“ — Архив Института востоковедения, раздел I, оп. 3, № 2, стр. 1); „пегий волк“ и „прекрасная маралуха“ у Б. Я. Владимирцова (ук. соч., стр. 53). В переводе С. А. Козина (ук. соч., стр. 79) Буртэ Чино и Гоа Марал даны как имена собственные, вследствие чего смысл этих наименований остается не вскрытым. В летописях XVII в. — памятниках историографии более позднего этапа развития монгольского феодализма — Буртэ Чино представлен как сын тибетского царя (см.: Алтан тобчи, стр. 3—4 (текст) и стр. 119—120 (перевод); Саган Сэцэн, стр. 24, 56).

нейшие даты (рождения, вступления на престол и смерти). О других же (кроме основных дат) рассказывается, что они всемерно покровительствовали буддизму и, объединяя духовную и светскую власть, „распространяли всеобщее счастье и благополучие“. Ввиду того, что фактические данные в этой истории являются очень скудными, изучать историю юаньской династии необходимо по „Юань-Ши“ и другим китайским первоисточникам.

Следует еще отметить, что в повествованиях об юаньских императорах последние всячески прославляются для создания „авторитета“ последующих ханов и крупных феодалов, которые после падения юаньской династии „в целом ряде уделов... провозглашают себя хаганами“ — как, например, тумэтский Алтан-хан и ряд других.¹

Авторитет юаньских императоров, созданный указанным выше путем, летописцы XVII в. считали настолько высоким и незыблемым, что объявляли императоров династии Мин „потомками“ монгольских хаганов и, следовательно, „преемниками“ их власти. Наиболее подробно об этом рассказывается в анонимной „Алтан тобчи“,² из которой этот рассказ, повидимому, был заимствован Лубсан Дандзаном.³ Саган Сэцэн также сообщает об этом.⁴ Эта легенда имела чисто политическую цель — она должна была доказать, что монгольские хаганы и после изгнания их из Китая, продолжали свой род в этом государстве и сохраняли в нем свою власть.

Далее в летописях XVII в. излагается история так называемых „малых ханов“. В этой истории сообщаются очень подробные сведения о происхождении как этих ханов, так и некоторых других феодалов — представителей отдельных родов и племен; тщательно прослеживаются их родословные — в некоторых случаях через целый ряд поколений; выясняются их родственные связи; рассматриваются взаимоотношения различных ханов и феодалов; сообщается о разном рода событий в их жизни, о феодальных войнах, которые они вели; о дроблении их уделов; об их участии в борьбе за гегемонию между ханами восточных и западных монголов; о стремлении некоторых ханов к политическому объединению монгольских племен и т. д. и т. п.

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 154.

² Алтан тобчи, стр. 51—53 (текст) и стр. 155 (перевод).

³ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, лл. 1386—1396.

⁴ Саган Сэцэн, стр. 290, 292.

Все эти вопросы представляли наиболее значительный и непосредственный интерес для правящего класса монгольского общества XVII в. Поэтому авторы летописей в своих трудах уделяли им главное внимание.

С особым интересом этими вопросами занимался Саган Сэцэн, который с большими подробностями сообщает много сведений, относящихся к своему собственному роду и к самому себе. Очень подробно события XV—XVI вв. изложены также в анонимной „Алтан тобчи“. Такого же рода сведения имеются также в „Шара туджи“, где они, однако, даны в значительно более кратком виде.

Вместе с тем авторы летописей продолжали начатое ими в предыдущих отделах летописей обоснование власти представителей правящего класса, сообщая о том, что более значительных из них далай-ламы объявляли „перерожденцами“ древних царей, жаловали им особые эпитеты и т. п.

Необходимо еще отметить, что термин „малые ханы“, принятый в монголоведении для обозначения монгольских ханов послуюаньского периода, основывается на китайском наименовании их „сяо-ван-цзы“. Однако авторы летописей XVII в. именуют прямых потомков юаньских императоров „хаганами“, например, Буянту-хаган, Эльбэк-хаган, Даян-хаган и др.

Из всего сказанного выше видно, что в летописях XVII в. получили выражение интересы и стремления монгольской феодальной аристократии того времени. Еще начатки монгольской историографии — генеалогии, родовые записи и т. п. составлялись для представителей господствующего класса монгольского общества XII—XIII вв. В дальнейшем были созданы более крупные исторические произведения, из которых сохранилось только „Сокровенное сказание“. В этом памятнике в истории Чингис-хана и его рода показаны цели и стремления феодальной аристократии первой половины XIII в. Поэтому вполне закономерным явилось то обстоятельство, что это произведение, посвященное истории и прославлению Чингис-хана и его рода, оказалось созвучным интересам монгольской аристократии более позднего этапа развития монгольского феодализма. Для выражения этих интересов „Сокровенное сказание“ было использовано во всех летописях XVII в.

Все эти интересы и требования феодальной аристократии, ее различных слоев, групп и отдельных представителей получили выражение в летописях XVII в. Следует заметить, что

мнение Б. Я. Владимирцова о том, что „Шара туджи“¹ „написана для и в угоду монгольской степной аристократии“, и что „она отвечает ее требованиям и интересам“,² необходимо отнести ко всем летописям XVII в. Авторы этих сочинений использовали разнообразные и обширные материалы и проделали большую работу, чтобы удовлетворить запросы, которые были обращены к ним. Саган Сэцэн определенно заявляет о том, что он составил свое сочинение по желанию и требованию тех, кто жаждет знаний в области истории. Таковыми несомненно являлись представители феодальной аристократии и вся она в целом.

Труды летописцев пользовались в среде феодальной аристократии успехом. Они не только читались, но с них также снимались копии, число которых, по видимому, было значительно. Об этом свидетельствует, например, то, что в Монгольском фонде Сектора восточных рукописей имеется несколько копий „Эрдэнийн тобчи“, анонимных „Алтан тобчи“ и „Шара туджи“.

Вместе с тем в списки этих сочинений вносились изменения и уточнения, делались добавления и т. п. Таким путем составлялись новые редакции этих трудов. Кроме того, различные сочинения привлекались в качестве источников для написания других летописей и т. д. Из всего этого видно, что летописи XVII в. удовлетворяли предъявлявшимся к ним требованиям, и интерес к этим сочинениям не ослабевал.

Кроме того, в летописях XVII в. получили выражение интересы буддийского духовенства.

Как известно, еще в XIV в. был установлен союз между юаньскими императорами и буддийской церковью, что получило выражение, например, в целом ряде эдиктов об освобождении буддийского духовенства (в числе духовенства других религий) от податей и повинностей. О том, что Хубилай управлял государством на основе союза светской и духовной власти подробно сказано в „Цаган тухэ“. Такую же политику осуществляли и все другие юаньские императоры.

С конца XVI в. началось усиленное проникновение к монголам так называемого „желтошапочного“ буддизма. Ханы и феодалы всеми силами содействовали его распространению.

¹ Как в этом, так и в ряде других случаев, Б. Я. Владимирцов говорит об „Истории В. В. Радлова“. Под таким названием „Шара туджи“ была впервые введена в научный оборот Б. Я. Владимирцовым.

² Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи, стр. 1272.

нию среди народных масс, о чем очень подробно сообщает Саган Сэцэн.¹ Тесный союз светской и духовной власти получил выражение в их объединенных действиях, например в совместном утверждении тумэтским Алтан-ханом и третьим далай-ламой ряда законов о буддийском духовенстве.²

Пользуясь всемерной поддержкой со стороны светской власти, буддийская церковь со своей стороны всеми силами способствовала созданию и укреплению авторитета ханов и феодалов. Буддийские иерархи жаловали монгольским ханам и владетельным феодалам пышные титулы, высокие духовные звания и т. п. Буддийской церковью были „обожествлены“ древние цари Индии и Тибета и вокруг них был создан ореол святости, силы, величия и т. п.

На основе буддийского учения о „перерождениях“ буддийскую церковью был создан культ „перерожденцев“, который использовался ею для идеологического обоснования власти ее иерархов, являвшихся духовными феодалами, как, например, глава буддийской церкви в Монголии Джэбдзун Дамбахутухта и ряд менее значительных хутухт. Культ „перерожденцев“ всецело поддерживался светскими феодалами.³ Эта поддержка объясняется тем, что буддийская церковь дала ханам и феодалам возможность использовать этот культ для доказательства „преемственности“ их происхождения и власти от древних царей Индии и Тибета. Это религиозное обоснование власти ханов и феодалов со стороны буддийской церкви и летописцев, находившихся под ее сильным влиянием, имело большое и непосредственное значение для правящего класса монгольского общества XVII в.

Кроме того, буддийское влияние проявилось в легендах о принятии буддизма Чингис-ханом и Угэдэем, о Гунга Нимбо — буддийском духовнике Чингиса — и т. п.,⁴ что совершенно не соответствует историческим фактам, известным по „Сокровенному сказанию“, „Сборнику летописей“ Рашид-ад-дина, китайским и различным другим источникам, и представляет несомненно позднейшие добавления (они вписаны между строк „Шара туджи“ неизвестным автором). Такого же рода сведения имеются в „Алтан тобчи“ Луб-

¹ Саган Сэцэн, стр. 224—283.

² Там же, стр. 232—234.

³ Этот культ поддерживали также и маньчжурские императоры, которых буддийская церковь со своей стороны признавала „перерожденцами“ боддисатвы Манджушри, используя созвучие его имени с названием народа, к которому принадлежала правящая династия.

⁴ „Шара туджи“, стр. 50—53.

сан Дандзана.¹ Также и в анонимной „Алтан тобчи“ сообщается о том, что Чингис-хан родился по повелению Будды для усмирения неких двенадцати злых царей, „мучителей всех существ“.² Из сказанного видно, что буддийская церковь стремилась использовать имена Чингис-хана и Угэдэя в своих целях для пропаганды буддизма.

Следует еще отметить, что формулы поклонения в начале летописей XVII в. и благопожелания в конце их имеют буддийский характер.

Необходимо также иметь в виду, что в феодальной Монголии XVII в. в области идеологии буддизм занимал господствующее положение и буддийская образованность составляла существенную часть монгольской феодальной культуры той эпохи. Таким образом, в Монголии того времени создалось то же положение, как и в средневековой Западной Европе, где, по замечанию Ф. Энгельса, существовало „верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности...“³ и „образование приняло преимущественно богословский характер“.⁴

Этим объясняется то, что авторы летописей XVII в. обладали большой начитанностью в буддийской литературе. Так, например, Саган Сэцэн приводит названия нескольких буддийских сочинений, использованных им для написания истории тибетских царей и в связи с нею истории буддизма в Тибете. Однако монгольские названия этих сочинений не позволяют определить их тибетские оригиналы. С полной определенностью можно назвать только „Алтан гэрэл“ — сутру „Золотой блеск“, из которой Саган Сэцэн даже приводит небольшой отрывок.⁵ Кроме того, Саган Сэцэн ссылается на мнение Сакья-пандиты и Джу Атиши.

Следует еще отметить, что сведения об образовании вселенной, которые сообщает Саган Сэцэн, представляют изложение буддийской космологии. Они заимствованы из сочинения „Чихула хэрэглэгчи“.

Другой летописец XVII в. — Лубсан Дандзан — принадлежал к буддийскому духовенству, и его „Алтан тобчи“ является (судя по пометке на ее обложке) двадцать седь-

¹ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, лл. 1136—114а.

² Алтан тобчи, стр. 16 (текст) и стр. 129 (перевод).

³ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IV, М.—Л., 1930, стр. 128.

⁴ Там же.

⁵ Саган Сэцэн, стр. 10—11.

мым томом в собрании его сочинений, которые до нас не дошли.

По всем этим причинам монгольские летописи XVII в. в очень сильной степени проникнуты буддийскими воззрениями.

Как видно из всего сказанного выше, главная задача, которую ставили себе авторы летописей XVII в. заключалась в том, чтобы выразить интересы и стремления правящего класса, создать авторитет его представителей и идеологически обосновать их власть.

Большое влияние на содержание и характер летописей оказала также классовая принадлежность их авторов. В особенности это заметно в труде Саган Сэцэна.

В силу указанных причин летописцы XVII в. ограничивали содержание своих сочинений историей монгольских ханов. Как отмечает Саган Сэцэн, он имел в виду изложить историю ханов от первого индийского царя — „всемирного монарха“ Олона Эргүгдэгсэн-хагана (Махасамади-хана) до времени написания „Эрдэнийн тобчи“. Лубсан Дандзан также считает свое сочинение историей ханов. То же самое следует сказать о других летописях XVII в.

Из изложения и характеристики содержания всех этих сочинений видно, что оно ограничено классовыми интересами их авторов.

В связи со сказанным следует отметить, что содержание летописей XVII в. получило выражение в их заглавиях.¹

По всем этим причинам история монгольского народа остается почти совершенно вне поля зрения авторов летописей XVII в.

Все же в этих сочинениях можно найти отдельные указания на то, что народ был обременен многочисленными повинностями и податями.²

Встречаются также сообщения о голоде, эпидемиях, падеже скота и т. п. Такого рода бедствия, всей тяжестью ложившиеся на народные массы, Саган Сэцэн объясняет „небесною карой“: в одном случае — за плохое отношение Эсен-хана

¹ Например, полное заглавие анонимной „Алтан тобчи“ гласит: „Сочинение под названием «Золотой свод» — история происхождения ханов“; заглавие „Шара туджи“ в его полном виде следующее: „Великая желтая история происхождения древних монгольских ханов“. В научный обиход вошла сокращенная форма заглавия этих памятников.

² Саган Сэцэн, стр. 184, 236. Ср.: Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 164.

к взятому в плен китайскому императору,¹ а в других случаях — за вражду феодалов к представителям рода Борджигин (т. е. рода Чингис-хана).²

Тяжелым бременем на простой народ ложились также феодальные войны.³ В нескольких случаях отмечено, что при феодальных войнах добычей победителя являлся народ наравне со скотом.⁴

Отношение феодалов к народным массам получило яркое выражение в словах ордосского Байн-Цохор-дархана: „Как простой народ может жить без владыки“.⁵

При всем угнетенном и совершенно бесправном положении, в котором находился монгольский народ, все же некоторые исключительные по своей жестокости требования феодалов толкали народные массы к сопротивлению.

Как сообщает Саган Сэцэн, одна из жен тумэтского Алтан-хана в связи со смертью своего сына велела для сопогребения с ним убить сто детей и сто верблюжат. Когда свыше сорока детей были перебиты, то во всем народе „готов был начаться мятеж“. Однако об открытом восстании источник умалчивает. Дальнейшее избиение детей было прекращено только после того, как один тайджи оказал решительное сопротивление.⁶

Еще в одном случае тот же автор сообщает более определенные данные о тяжелом положении народных масс. Когда Эсэн-хан в борьбе со своими противниками совершал многочисленные убийства, то „меньшой народ“ (уцухэн иргэн) увидел в этом угрозу для существования монгольского народа и стал массами уходить от своего хана. В условиях феодального общества это являлось одним из видов классовой борьбы.

Однако все эти сведения о монгольском народе являются очень краткими и отрывочными. Они встречаются в летописях только в связи с историей ханов и других представителей правящего класса, которых авторы этих сочинений стараются

¹ Саган Сэцэн, стр. 168.

² Там же, стр. 158, 170, 186. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 147.

³ „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана, лл. 1096—110а.

⁴ Саган Сэцэн, стр. 168, 176. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 159.

⁵ Там же, стр. 202. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 158, 160.

⁶ Саган Сэцэн, стр. 248, 250. Ср.: Б. Я. Владимирцов, ук. соч., стр. 173.

представить как благодетелей, неустанно заботящихся о счастье и мире всего монгольского народа.¹

Задачи, которые ставит перед собою советская наука в области исследования истории монголов заключаются в изучении не только их политической истории, но в первую очередь истории возникновения и развития строя монгольского общества, его экономической и социальной жизни, его культуры и т. п.

Занимаясь изучением одного из этих вопросов — общественного строя монголов, — Б. Я. Владимирцов уже указывал на то, что в исторических трудах Саган Сэцэна и других авторов „часто «фактические данные» играют меньшую роль для рассматриваемой темы; для нее более важным оказываются отдельные штрихи и упоминания, которых разбросано у авторов-степняков довольно много; только сведения эти часто приходится вскрывать путем анализа терминов“² и что „анализ феодальных терминов дает ключ к раскрытию многих событий“.³ Применяя такой подход к источникам и к их оценке, Б. Я. Владимирцов представил общую картину развития общественного строя монголов в XIII—XVIII вв. что является первой попыткой исследования этой весьма сложной проблемы. Многие положения Б. Я. Владимирцова являются общепризнанными в нашем монголоведении. Однако некоторые его суждения (например по вопросу о степени развития феодализма в монгольском обществе) требуют пересмотра.

Тот метод изучения монгольских источников, который был применен Б. Я. Владимирцовым, дал весьма положительные результаты в виде целого ряда суждений об отдельных явлениях общественного строя монголов, а также его общей картины. Несомненно, однако, что советские историки-марксисты смогут дать исчерпывающий и единственно правильный анализ данных монгольских летописей и их синтез для изучения истории монгольского народа.

Использование Б. Я. Владимирцовым летописей XVII в. показало, что данные этих источников вовсе не являются такими небольшими, даже скудными, какими они представлялись на первый взгляд, вызывая иногда пренебрежитель-

¹ Саган Сэцэн о Даян-хане (стр. 194), о Лэгдэн-хане (стр. 202), о Бошокту-джиноне (стр. 266), о самом авторе сочинения (о нем говорится в третьем лице, стр. 282 и др.).

² Б. Я. Владимирцов, уч. соч., стр. 15—17.

³ Там же, стр. 147.

ное отношение к ним, против чего решительно возражал автор „Общественного строя монголов“.

Несомненно, что исторические сведения, которые содержатся в летописях XVII в., изучались еще совершенно недостаточно. Например, собирание и изучение данных о монгольских и ойратских племенах еще не начиналось. Из всего сказанного выше можно видеть, что эти сочинения содержат достаточно ценных и разнообразных данных.

Кроме того, эти летописи представляют большой интерес как памятники культуры феодальной Монголии XVII в. Они принадлежат к числу ее лучших образцов.

Необходимо еще отметить, что летописи XVII в. следует рассматривать как литературные памятники, поскольку художественная литература (в современном нашем понимании) в условиях феодального строя Монголии и сильного влияния буддизма в сущности не развивалась.

Большой интерес представляет изучение летописей XVII в. с языковой стороны. Следует, например, обратить внимание на то, что в них содержится значительное количество слов и выражений, отражающих усложнившуюся структуру феодальных отношений в монгольском обществе того времени и влияние буддизма. Здесь имеются многословные титулы и эпитеты, витиеватые глагольные построения, служившие для выражения особого почтения по отношению к представителям правящего класса и высшего буддийского духовенства, большое число буддийских образов и сопоставлений и т. п. Причины этого процесса были вскрыты И. В. Сталиным, который указал на то, что „люди, отдельные социальные группы, классы далеко не безразличны к языку. Они стараются использовать язык в своих интересах, навязать ему свой особый лексикон, свои особые термины, свои особые выражения“.¹

Хотя представители правящего класса и буддийского духовенства внесли в язык летописей XVII в. свою специфическую терминологию и фразеологию, все же язык этих сочинений является общемонгольским литературным языком.

По определению И. В. Сталина, „Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд“.² И то и другое в языке летописей XVII в. является общемонгольским.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 13.

² Там же, стр. 28.

Ввиду всего сказанного выше летописи XVII в. заслуживают подробного и разностороннего изучения. Являясь памятниками монгольской феодальной историографии, эти летописи отличаются характером и особенностями, свойственными такого рода произведениям. Общий характер и наиболее существенные особенности летописей XVII в., показанные в настоящей статье, должны быть приняты во внимание при дальнейшем изучении этих памятников.